РЕЛИГІОЗНЫЯ ЗАДАЧИ РОССІИ

НА ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.

А. А. Кирѣева.

(Отдѣльный оттискъ изъ журнала *Русское Обозрѣніе*).

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

Дозволено цензурой. Москва, мая 8 дня 1896 г

РЕЛИГІОЗНЫЯ ЗАДАЧИ РОССІИ
НА ПРАВОСЛАВНОМЪ ВОСТОКѢ.[1]

Со времени заключенія Санъ-Стефанскаго договора протекло уже болѣе 18 лѣтъ, и ни одна изъ великихъ державъ не обнаруживаетъ охоты нарушить миръ, которымъ „съ грѣхомъ пополамъ“ пользуется Европа. Говорю—съ грѣхомъ пополамъ—ибо миръ этотъ не мѣшаетъ Европѣ, съ лихорадочнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, готовиться къ предстоящей борьбѣ.

Борьба эта, по всѣмъ вѣроятіямъ, вспыхнетъ на православномъ Востокѣ; Россіи придется играть въ ней первенствующую

[1] Основаніемъ этой статьи послужила рѣчь, произнесенная мною въ торжественномъ собраніи Славянскаго общества 7 апрѣля 1896 года. Вотъ начало этой рѣчи:

„Приступая къ сегодняшней бесѣдѣ, я долженъ просить у васъ не только вашего благосклоннаго вниманія, но и снисходительнаго терпѣнія—бесѣда моя будетъ не изъ тѣхъ, которыя могутъ вызвать шумное одобреніе. Она будетъ нѣсколько сухаго, дѣловаго характера; и я сочту задачу свою исполненною если, выслушавъ меня, вы убѣдитесь въ вѣрности моихъ положеній, проникнитесь серіозностію переживаемой нами эпохи, и необходимостію готовиться къ другой, *еще гораздо болѣе серіозной и важной!*

„Но, можетъ быть, подумаетъ кто-нибудь изъ васъ, зачѣмъ же тогда и говорить? мы не министры, не сановники, и вліянія на дѣла не имѣемъ! Вѣрно, между нами нѣтъ ни одного министра, да и сановниковъ немного, но бесѣда наша, хотя и не имѣетъ никакого оффиціальнаго характера, — есть однако одно изъ средствъ образованія *общественнаго мнѣнія*; а общественное мнѣніе, если оно серіозно, проникнуто истиной, если оно не отраженіе лишь какого-нибудь *минутнаго*, модная вѣянія, а выраженіе истинныхъ стремленій народа, его задушевныхъ идеаловъ — *есть несомнѣнная сила*, которая, рано или поздно, проникнетъ и далѣе пріемныхъ г. министровъ!

„Моя бесѣда будетъ касаться вопросовъ религіозныхъ, будетъ представлять развитіе того, какъ выразился одинъ изъ моихъ критиковъ „Славянофильскаго Катехизиса“, который, два года тому назадъ, я имѣлъ честь здѣсь же излагать передъ моими слушателями; вѣроятно, мм. гг.,

роль, и отъ исхода ея будетъ зависѣть вся будущность нашей родины, все ея значеніе, *какъ носительницы православнаго культурнаго начала, какъ дѣйствительно—великой* державы; величіе ея зависитъ вѣдь не отъ числа ея гражданъ, и не отъ обширности ея территоріи, а отъ той культурной идеи, для осуществленія которой — создана Богомъ Россія. Александръ Македонскій былъ великъ не потому, что въ лицѣ Дарія побѣдилъ Востокъ, а потому, что внесъ въ покоренныя имъ страны—высокую культуру Греціи; Цезарь великъ не тѣмъ, что выигралъ много сраженій, а тѣмъ, что подчинилъ дикіе народы Запада высшему, правовому порядку Рима! Подобное же, но *гораздо высшее* значеніе выпадаетъ на долю нашихъ царей, которымъ, какъ вѣрнымъ сынамъ Церкви, суждено возстановить, обезпечить и утвердить православіе не только въ его исконныхъ границахъ, но, *опираясь на православную Россію*, сдѣлаться его представителями и передъ всѣми другими иновѣрными народами! Значеніе Россіи состоитъ въ томъ, что она „*православная Россія*“, что она „*Святая Русь*“, первенствующая носительница безконечно-великой религіозной идеи! Потеряй она это значеніе, она останется, можетъ быть, очень *большою* державой, но уже никакъ не будетъ великою. Спѣшу добавить, что я весьма

передъ многими изъ васъ. Это объясняетъ и нѣкоторыя повторенія уже сказаннаго.

„Считаю необходимымъ оговориться: многимъ можетъ показаться страннымъ, что я, міряннинъ и не богословъ, позволяю себѣ разсуждать о такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ нынѣ разсматриваемый. Но я и не беру на себя роли самозваннаго учителя, а разговариваю о вопросахъ религіозныхъ, разсматриваю ихъ съ нашей славянофильской точки зрѣнія, и буду очень радъ, если меня на этой каѳедрѣ замѣнитъ лицо болѣе авторитетное, но вмѣстѣ съ симъ—*могущее говорить столь же откровенно*, какъ говорю и я!

Наша церковь (и въ этомъ ея несомнѣнное преимущество передъ латинской) не налагаетъ запрета на уста мірянина. Мы, православные міряне—не только „пасомые и поучаемые“, но и полноправные участники въ жизни нашей церкви, имѣющіе даже, въ лицѣ своихъ епископовъ, голосъ на вселенскихъ соборахъ. Отъ насъ требуется вѣра,—но совсѣмъ не слѣпая и не безмолвная! вѣра слѣпая, la foi du charbonnier, требуется и „культивируется“ въ римской церкви; *наша* церковь въ ней не нуждается. *Мы*, стараемся вѣрить *сознательно!* Мы самостоятельно относимся ко всѣмъ явленіямъ нашей церковной жизни. Церковь наша требуетъ отъ насъ свободной дѣятельности *сына*, а не безсознательной работы *невольника!* „Спѣшу добавить, что свобода, о которой я говорю, не имѣетъ ничего общаго съ свободой политическою; онѣ принадлежатъ къ совершенно различнымъ областямъ мышленія. Еще свободолюбивый Хомяковъ замѣчаетъ, что православный можетъ быть рабомъ (политическимъ), но не можетъ, не долженъ быть рабовладѣльцемъ“.

далекъ отъ мысли отвергать участіе въ этомъ дѣлѣ и другихъ православныхъ государей и народовъ. Я говорю о первенствующей, но отнюдь не объ *исключительной* роли Россіи! Дай Богъ, чтобы она постоянно и вѣчно шла рука объ руку и со всѣми славянами, съ своимъ великимъ племенемъ, и со всѣми единовѣрными ей народами.

Это значеніе Россіи ясно понимали наши праотцы, и не даромъ называли бѣлокаменную Москву —„третьимъ Римомъ“, прибавляя, что „четвертому не бывать“. А не бывать ему потому, что этотъ четвертый Римъ, Богъ дастъ, не понадобится: первымъ Римомъ былъ Римъ папскій, но онъ измѣнилъ истинѣ, и палъ передъ соблазномъ мірскаго величія и самомнѣнія; вторымъ былъ Царь-Градъ; онъ осѣнилъ крестомъ славянскіе народы; посредствомъ насъ, Славянъ, онъ вызвалъ къ жизни весь Сѣверъ Азіи и Европы; но палъ и онъ подъ ударами наслѣдниковъ Магомета; третьему, нашему Риму нечего бояться ничьихъ ударовъ, и если и ему суждено пасть (если суждено появиться четвертому Риму), то падетъ онъ лишь по своей, по *нашей* винѣ, какъ рабъ недостойный, скрывшій въ землю ввѣренный ему талантъ, какъ отказавшійся отъ исполненія своего призванія!

На Востокѣ издавна существуетъ такая легенда: когда въ 1453 году, Турки, овладѣвъ стѣнами Константинополя, ворвались въ храмъ св. Софіи, они застали тамъ богослуженіе: священникъ совершалъ таинство Евхаристіи... На него бросились мусульмане, св. Дары должны были попасть въ ихъ нечестивыя руки, но совершилось чудо: раздвинулась стѣна святого храма и укрыла въ себѣ священника! Но пройдетъ четыре столѣтія, продолжаетъ легенда, и снова возгорится жестокая война. Съ дальняго Сѣвера придутъ послѣдователи Христа, они побѣдятъ послѣдователей Магомета и водрузятъ крестъ на храмѣ св. Софіи, и тогда раздвинется снова стѣна св. храма; изъ нея выйдетъ сѣдой священникъ и окончитъ прерванное священнодѣйствіе.

Легенду эту слышалъ я, и не я одинъ, до начала войны 1853. „Она осуществится“, думали мы: „четыре столѣтія прошли; мы могущественны, мы водрузимъ крестъ на храмѣ св. Софіи“. Но мы были не приготовлены къ рѣшенію трудной задачи! Мы не знали силъ Запада, не предвидѣли коварной неблагодарности Австріи, и война кончилась для Россіи неудачно, хотя и не безславно для ея воиновъ. „Легенда ошиблась, не оправдалась“, думали мы. Нѣтъ, ошибались *мы*, а не легенда; *она* говорила *правду*: война 53 года была лишь первымъ актомъ кровавой

драмы, коей второй актъ разыгрался въ Санъ-Стефано; третій актъ наступаетъ! Заступничество Запада въ 53—55 годахъ не спасло оттоманской имперіи: „Гяуры“ хозяйничаютъ въ ея предѣлахъ, „больной человѣкъ“ не выздоровѣлъ, онъ при послѣднемъ издыханіи и вынужденъ искать покровительства у своего исконнаго врага, „Москова“. *Окончательная* ликвидація турецкаго наслѣдства еще не наступила, но она уже въ виду, и недалеко то время, когда предсказаніе о прекращеніи четырехъсотъ-лѣтняго плѣненія храма св. Софіи оправдается, когда православіе на Востокѣ будетъ снова свободно!

Какое же участіе примемъ мы, Русскіе, въ этомъ великомъ дѣлѣ? Мы—*первенствующая православная держава!* Можемъ-ли мы отъ него устраниться?

Нѣтъ! если бы даже и захотѣли!

Мы *не можемъ* устраниться отъ дѣятельнаго въ немъ участія, потому что исторія православнаго Востока—*наша* исторія; потому что мы, Россія—лишь *часть православнаго Востока*! Никакой заблуждающійся государственный мужъ, никакой враждебный намъ великій политикъ не въ состояніи сдвинуть насъ съ нашего историческаго пути и разъединить съ Востокомъ; отъ нашихъ государственныхъ людей, конечно, зависитъ многое: они могутъ, не понявъ предлежащихъ намъ религіозно-политическихъ задачъ, затормозить ихъ рѣшеніе, они могутъ поставить насъ въ неестественныя политическія условія (припомню отдачу Босніи и Герцеговины Австріи), они могутъ временно исказить нашу роль; но они не могутъ ея вычеркнуть изъ исторіи. Это свыше силъ человѣческихъ. Рано или поздно Россія выполнитъ свою задачу!

Припомню не очень отдаленную эпоху. Сколько говорили противъ нашей „славянской“ политики! Сколько было криковъ противъ нашей послѣдней войны, да и сколько ошибокъ мы сами надѣлали, и неудачъ сколько понесли! Да, все это было; и что же? Въ концѣ концовъ Славяне большею частію освобождены. Начало положено. Затормозить Россію не удалось! То же самое будетъ и теперь. Но въ настоящую минуту *на очереди вопросъ религіозный*, т.-е. еще болѣе важный.

Оглянемся! Кто мы такое? Что такое Россія? Что составляетъ ея особенность, существенную черту ея характера? То, (какъ уже не разъ было выясняемо, и именно славянофилами), что *она православная, Святая Русь*, что она *часть православной вселен-*

ской церкви,—лишь облеченная въ національно-государственную оболочку! Каждый изъ насъ Русскихъ или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство изъ насъ это сознаетъ, это чувствуетъ! Я чувствую себя *первѣе* сыномъ православной церкви, а *за тѣмъ* уже гражданиномъ, подданнымъ россійскаго государя. Я, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно становлюсь на сторону митрополита Филиппа, а не Іоанна IV, на сторону Арсенія Мацѣевича, а не Екатерины Великой и т. д.

Именно это свойство Россіи—быть церковно-политическимъ организмомъ и даетъ ей ея *міровое*—мессіаническое значеніе. Въ настоящее время только одна Россія представляетъ собою Церковь - Государство, и именно эта ея особенность и даетъ ей возможность осуществить идею Православія, идею Царствія Божія на землѣ. Это очень хорошо понимаетъ умный Римъ, который и старается всячески заполонить насъ, и насъ и весь православный Востокъ (конечно, надѣясь самого себя поставить на мѣсто нашей православной Церкви).

На органическую связь Россіи съ Православною Церковью указываетъ и обрядъ вѣнчанія на царство нашихъ Государей: прежде нежели надѣть вѣнецъ, Вѣнчаемый, на вопросъ митрополита: „како вѣруеши?“, произноситъ православный символъ вѣры, устанавливая, утверждая этимъ отвѣтомъ и исповѣданіемъ *неразрывный союзъ между Церковью и народомъ, коего Онъ представитель передъ алтаремъ Христа Спасителя!*

Итакъ—легенда оправдывается, призракъ оттоманскаго могущества блѣднѣетъ, и скоро можетъ исчезнуть.

Что же останется на его мѣстѣ? Слабыя, малочисленныя, привыкшія къ политиканству этнографическія единицы, подѣленныя между четырьмя патріархатами и другими автокефальными церквами Востока.

Зрѣлище неутѣшительное! Гдѣ древняя слава, древнее величіе, всесвѣтная ученость церквей Востока? Гдѣ ихъ великіе представители? Ихъ нѣтъ! Силы матеріальныя еще менѣе значительны! Статистическія данныя о настоящемъ положеніи автокефальныхъ церквей, находящихся подъ владычествомъ Султана, очень шатки. Опредѣлить, напр., хотя бы приблизительно, размѣры паствы патріарха Константинопольскаго очень трудно, его юрисдикція распространяется и на Малую Азію, гдѣ, конечно, нельзя собрать точныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ его паства—самая крупная,—можетъ дойти до $4^1/_2$ милліон. душъ; затѣмъ, три остальные

патріархата, вмѣстѣ взятые, не доходятъ до численности нѣкоторыхъ нашихъ уѣздовъ: въ Антіохійской патріархіи около 100.000 душъ, въ Іерусалимской 30.000, въ Александрійской 50.000;[1] автокефальная церковь горы Синая состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ монастырей, Кипрская насчитываетъ до 60.000 душъ; численность болгарской церкви можно будетъ опредѣлить лишь по окончаніи ея споровъ съ Константинополемъ[2].

Численная слабость этихъ церквей увеличивается ихъ разноплеменностію. Востокъ—очагъ нескончаемыхъ споровъ, постоянной борьбы; спорящіе зачастую обращаются за помощію не только къ иноземцу—но и къ иновѣрцу! Бѣдность церквей Востока, ихъ матеріальная необезпеченность—очень велики... а вѣдь бѣдность,—это—открытая дверь для всякаго соблазна! Наконецъ, вѣковая зависимость церкви отъ міра, отъ государства тоже не могла не повліять на характеръ восточнаго духовенства. Рабство церкви не менѣе „покровительства“, которое иногда оказываетъ ей государство, дѣйствуютъ на нее всегда пагубно, и второе (покровительство) хуже самаго рабства—почетная цѣпь, и не на одномъ Востокѣ превращается подъ конецъ въ ошейникъ, и становится помѣхой развитію твердаго характера, развитію того чувства христіанской самостоятельности (не имѣющаго ничего общаго съ гордостію), которыя необходимы для истиннаго пастыря, которыми воинъ Христовъ отличается отъ наемника, отъ раба![3]

Какія же есть у насъ данныя для того, чтобы судить о будущемъ ходѣ и исходѣ наступающей борьбы между Востокомъ и враждебными ему силами,—силами, которыя на него будутъ на-

---

[1] То-есть едва превышаютъ число старо-католиковъ, часто укоряемыхъ за ихъ малочисленность.

[2] Остальныя автокефальныя церкви суть: Россійская, Греческая, Черногорская, Сербская, Румынская, Сибинская, Карловицкая и Буковино-Далматская.

[3] Жалованіе орденами Епископовъ (т. е. монаховъ, отказавшихся отъ міра) введено у насъ какъ правило Импер. Павломъ I. Извѣстно, что противъ такихъ „пожалованій“ сильно протестовалъ митрополитъ Платонъ. Когда передъ коронаціей Императоръ началъ надѣвать и на самого митрополита Андреевскую „Кавалерію“, почтенный Іерархъ бросился на колѣна и умолялъ своего бывшаго ученика избавить его отъ такой „чести“; но переспорить Павла Петровича, коего богословскія мнѣнія были какъ извѣстно крайне своеобразны, было не легко, и митрополитъ превратился въ „кавалера“; *Панагію* заслонила *звѣзда!*

правлены, какъ только съ него снимется турецкое иго? Мы видѣли, что настоящее—неутѣшительно! Въ прошедшемъ утѣшительнаго еще менѣе; а то, что было—можетъ помочь намъ угадать и то, что будетъ. Что же говоритъ намъ исторія? Она отвѣчаетъ намъ, что попытки Рима заполонить Востокъ, захватить православныя территоріи были, къ несчастію, не всегда безуспѣшны! Исторія указываетъ на цѣлый рядъ его побѣдъ. Такъ погибли для православія Великая Греція и Сицилія, отторгнутыя Римомъ. Къ концу XVI столѣтія (1588) присоединеніе всей юго-восточной Италіи было уже закончено (а началось оно обычнымъ признаніемъ *лишь* папской „супрематіи“, не болѣе! Такъ въ Унію была совращена и самая Константинопольская патріархія, и притомъ *два* раза! Унія, объявленная на Ліонскомъ соборѣ (1274), была *фактически* введена въ Патріархіи и продержалась до 1282, то-есть, 8 лѣтъ. Патріархъ Іоаннъ Веккъ писалъ въ пользу „filioque“ и усердно отлучалъ отъ церкви тѣхъ, которые не признавали, что „Римская церковь—мать и учительница вѣры православной“; цѣлыхъ восемь лѣтъ возносилъ онъ молитвы „о господинѣ нашемъ Папѣ такомъ-то“ [1].

Унія Флорентійская была еще кратковременнѣе, она длилась лишь до смерти уніатскаго патріарха Митрофана, занимавшаго Константинопольскую каѳедру отъ іюня 1439 до 1443; тѣмъ не менѣе она тоже была осуществлена! Не забудемъ, что и у насъ, то-есть, во всей Западной Россіи была введена унія и продержалась болѣе двухъ съ половиною столѣтій! Это факты [2].

---

[1] Григоріи, Иннокентіи, Андріанѣ, Іоаннѣ, Николаѣ и Мартинѣ.

[2] Подпавъ подъ власть Турокъ, греческая вѣтвь православной Церкви остановилась въ своемъ ростѣ; ведя отчаянную борьбу за существованіе она не могла уже расширяться и передала свое мессіаническое призваніе своей сѣверной дочери; сама она блюла чистоту и неприкосновенность своего догматическаго ученія, почерпая иногда свои матеріальныя силы въ единовѣрномъ сѣверѣ, но и вознаграждала его съ лихвой своимъ совѣтомъ и наставленіемъ, исправляя его ошибки, его неумѣлость. Этою взаимною помощью утверждалось то церковное единство, та „каѳоличность“, которыя составляютъ необходимое условіе правильной жизни нашей Церкви, которыя даютъ ей необходимое единство въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ. Къ крайнему сожалѣнію эти сношенія — прекратились. Прежде, въ до-петровское время, къ намъ являлись патріархи, теперьже и представители стали рѣдки!

Собственно со стороны Турокъ православные испытывали гоненія, хотя и тяжкія, но лишь матеріальнаго, внѣшняго характера. Самому православію, какъ таковому, Турки ущерба слишкомъ великаго не наносили. Гоненіямъ подвергалось не *православіе*, а *православные*. Турки большею частію ограничивались требованіемъ взятокъ (иногда, правда,

Я указалъ на эти примѣры, какъ на болѣе яркіе, но они, къ сожалѣнію, не единственные. Переходы въ унію изъ-за чисто политическихъ соображеній бывали и на нашихъ глазахъ. Кто же можетъ намъ поручиться за то, что они не повторятся и впредь?

Пока Турки еще на мѣстѣ, борьба враждующихъ между со-

непосильныхъ). Вліяніе іерархіи на паству не только не было умалено, а, напротивъ—усилено.

Гораздо болѣе опаснымъ оказалось вліяніе Рима. Латинство, не довольствуясь прямыми захватами православныхъ территорій, старалось *исказить самое православіе*, ввести въ него разлагающіе (латинскіе) элементы, сдѣлать его орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, (между проч. для борьбы съ кальвинистами, очень тогда сильными и во Франціи). И это до нѣкоторой степени ему и удалось! Латинская схоластика широкою волной нахлынула на греческое богословіе; она вмѣстѣ съ тѣмъ захватила и насъ! Причины такого явленія понятны.

Ни богословскихъ, ни свѣтскихъ учебныхъ заведеній, заслуживающихъ это названіе, на Востокѣ въ то время не было [1]. Въ 1574 году патріаршая школа (запущенная съ 1531 года) была возстановлена патр. Діонисіемъ. (Руководителемъ ея былъ назначенъ Листархъ, выписанный изъ Италіи), но учениковъ въ ней было весьма немного, а въ 1580 году дѣло снова уже разладилось. По неволѣ православнымъ Грекамъ приходилось учиться въ итальянскихъ университетахъ, гдѣ въ то время царила средневѣковая латинская схоластика. Преимущественно посѣщался Падуанскій университетъ. (Оттуда вышли крупные люди — Мелетій Пигасъ, Гавріилъ Северъ, экзархъ Никифоръ). Петръ Могила учился у львовскихъ іезуитовъ; все это, конечно, не могло не повліять на ходъ богословствующей мысли.

Несчастные Греки искали всюду опоры и защиты, нужда заставляла ихъ обращаться за помощію даже къ злѣйшимъ своимъ врагамъ, заставляла ихъ полусознательно влѣзать въ разставленныя ими тенета. Помощь имъ и оказывалась, но не даромъ! Въ особенности эта своекорыстная протекція усилилась въ XVII столѣтіи. Укажу на нѣсколько примѣровъ: около 1600 г. Іезуиты, ставшіе твердою ногою въ Константинополѣ склоняютъ уже патр. Рафаила II къ уніи; но Рафаила смѣняетъ 1607 г. Кириллъ Контарисъ, врагъ Кирилла Лукариса. Контарисъ, креатура іезуитовъ, на іезуитскія деньги, покупаетъ онъ въ 1632 г., патріаршій престолъ въ Константинополѣ и служитъ ихъ цѣлямъ;; немного позже повторяется тоже самое, но въ большихъ размѣрахъ: Въ Константинополь является изворотливый Нуантель, (de Nointel) посолъ Людовика XIV, великій ревнитель католичества. Много интереснаго и поучительнаго находимъ мы въ его письмахъ и рапортахъ Королю и другимъ лицамъ. „Визирь, пишетъ (1671 годъ) Нуатель королю, назначилъ (a fait) Грекамъ новаго патріарха (Діонисія) съ котораго онъ стянулъ (dant il a tiré) 12.000 экю (60.000 франковъ)“. На свиданіи съ патріархомъ посолъ склоняетъ его выдать ему актъ, которымъ онъ присоединяется къ ученію о

---

[1] Даже одинъ изъ патріарховъ – Рафаилъ I, (умершій въ темницѣ 1476 г.) былъ человѣкъ малограмотный.

бою народностей не можетъ принять слишкомъ большихъ размѣровъ; да и иностранныя государства должны еще соблюдать нѣкоторую сдержанность; но что будетъ когда Турки уйдутъ въ Азію, будутъ упразднены? когда исчезнутъ и тѣ слабыя подпорки, на которыхъ, кое-какъ ещё держится существующій порядокъ (или безпорядокъ)? Несомнѣнно, что, когда уйдутъ Турки, по-

---

транссубстанціаціи. (И католики и протестанты искали для своего ученія объ Евхаристіи основаній и поддержки на Востокѣ). Православная Церковь всегда, конечно, исповѣдывала преложеніе, но католикамъ этого тождества въ *вѣрѣ* было не достаточно, имъ хотѣлось доказать тождество и въ *выраженіяхъ*. Новый патріархъ, по словамъ Нуантеля, выказываетъ нѣкоторую податливость, онъ подаетъ надежды на возсоединеніе (съ Римомъ). „Я убѣждаюсь, пишетъ Н., что дружба патріарха будетъ полезна, выгодна (avantage) для римской церкви, отъ коей онъ не далекъ (pas éloigné) ибо разсудителенъ и довольно ученъ (assez savant)". Но вотъ представляется удобный случай для Нуантеля: начинаются притѣсненія православныхъ. Нуантель беретъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ открываетъ посольскій дворецъ патріархамъ и архіепископамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ имъ о пріѣздѣ въ Константинополь какого-то опаснаго кальвиниста, утверждающаго, что Греки не признаютъ преложенія. королевскій посолъ начинаетъ усиленно хлопотать о томъ, чтобы получить отъ Грековъ документъ, въ которомъ бы не только ясно было сказано, что Греки вообще, принципіально учатъ объ Евхаристіи одинаково съ латинянами, но еще употребляютъ и туже терминологію, употребляютъ и тождественныя съ ними выраженія. „Наконецъ, пишетъ Нуантель, патріархъ (Діонисій) присылаетъ мнѣ съ тремя митрополитами и патріаршимъ référendaire (протоактуаріемъ?) un *original* en bonne forme (вѣроятно, „оффиціальную" копію) за подписью самого Діонисія, его трехъ предшественниковъ и 39-ти митрополитовъ съ постановленіемъ (un acte synodal) о таинствѣ евхаристіи, изъ котораго явствуетъ, что Греки признаютъ перемѣну субстанцій". (Это конечно, краткое изложеніе вѣры 1672). Патріархъ проситъ посла въ униженныхъ и настоятельныхъ выраженіяхъ (prières instantes et fort soumises) представить эти постановленія королю Людовику XIV.

Но вотъ желанный актъ съ словомъ „пресуществленіе" въ рукахъ Нуантеля, въ архивѣ короля, и картина мѣняется. За что-то недовольный патріархомъ, Нуантель отказывается принять его, когда тотъ является (8 Апр. 1673) съ поздравленіемъ, и несчастный іерархъ вынужденъ прибѣгать къ посредничеству рим. католическаго епископа!.... Но посолъ уже не заботится о патріархатѣ. „Разныя перемѣны, пишетъ Нуантель, въ личномъ составѣ и преслѣдованія, которыя приведутъ къ разрушенію достоинства патріархата (la ruine de la dignité patriarcale, письмо 21 Сент. 1673) не нарушатъ доктрины пресуществленія" (ne donnent point d'atteinte á la doctrine de la transsubstantiation). Теперь, молъ, все равно, актъ въ нашихъ рукахъ! Приводя эти указанія на состояніе угнетенія въ которомъ находилось православіе и примѣры податливости нѣкоторыхъ изъ іерарховъ и ученыхъ, я весьма далекъ отъ мысли отвергать преданность греческаго клира своей вѣрѣ, были и отступники, но были и мученики; вѣдь то-же должно сказать и про насъ; были и есть человѣкоугодники, были и есть

ложеніе Востока можетъ сдѣлаться хуже того, въ которомъ онъ былъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ [1].

Думаемъ-ли мы, подумали-ли мы объ этомъ? Римъ объ этомъ думаетъ и, какъ мы видѣли, готовится давно въ тому, чтобы во всеоружіи встрѣтить новый порядокъ вещей. Посмотримъ же, чѣмъ онъ располагаетъ и какія силы можетъ *онъ* выдвинуть противъ слабыхъ силъ Востока.

Располагаетъ онъ, во-первыхъ, весьма цѣннымъ свойствомъ издалека предвидѣть то, что случится. Это одно — уже великая сила! Давно, очень давно началъ онъ думать о подчиненіи себѣ Востока, что, какъ мы видѣли, ему иногда и удавалось. Римъ ни на минуту не отказывался отъ своихъ намѣреній; онъ *во всякое данное время* готовъ дѣйствовать. Его двухсотмилліонная паства выставитъ по первому его требованію многочисленную армію. Положимъ, и она не всегда единодушна (это мы видѣли на евхаристическомъ конгрессѣ), но для боя съ „схизматиками-

---

и мучениковъ. Сколько мучениковъ выставила западная Россія въ борьбѣ съ уніей! Святость Церкви не нарушается присутствіемъ въ ней членовъ недостойныхъ Что касается собственно домогательствъ католиковъ и Нуантеля получить означенный документъ и уступчивости восточнаго клира, то эта уступчивость объясняется еще и слѣдующимъ: православная церковь искони признавала преложеніе но не заботилась, какъ Латинская, объяснить необъяснимое. Борьба, разъединявшая богословскій міръ Запада, коснулась ея не значительно; намъ, православнымъ, не участвовавшимъ въ ней непосредственно, не понятны ея крайности, непонятенъ тотъ odium theologicum, который проявляется на западѣ въ такихъ вопросахъ, которые намъ представляются и не столь важными (хотя не сомнѣнно и вообще въ нашей *богословской литературѣ* оба теченія, латинствующее и протестантское, находили и находятъ представителей. Повидимому, въ настоящее время въ моду входитъ направленіе латинское, что едва-ли послужитъ намъ въ прокъ). Что касается собственно домогательствъ католиковъ въ дѣлѣ полученія документовъ съ выраженіемъ пресуществленіе (Μετουσίωσις), то оно облегчалось для Грековъ и тѣмъ, что въ это время они сами старались обѣлиться отъ упрековъ въ кальвинизмѣ, сами хотѣли поставить внѣ всякаго сомнѣнія, утвердить древнее ученіе о *преложеніи* (μεταποίησις или μεταβολή), и охотно приняли выраженіе чужеземнаго происхожденія (хотя и новое и не совсѣмъ удачное) не приписывая ему того полемическаго значенія, которое оно имѣло въ то время на западѣ. Замѣчу, что патріархъ Іеремія въ пространномъ отвѣтѣ тюбингенцу Крузіусу ни разу его не употребляетъ,—говоря очень пространно объ евхаристіи; не употребляемъ его и мы, въ нашемъ чинѣ присоединенія протестантовъ.

[1] Говоря о положеніи православной церкви, я оставляю вопросъ политическій совершенно въ сторонѣ. Онъ очень важенъ, и его неправильное рѣшеніе (напр. въ смыслѣ раздѣленія Балканскаго полуострова на двѣ сферы вліянія—Русскую и Австрійскую) можетъ несомнѣнно повліять зловредно и на рѣшеніе болѣе важнаго, вопроса — религіознаго, можетъ совершенно исказить его.

фотіанцами“ — миръ и единодушіе будутъ возстановлены. Это несомнѣнно!

Далѣе—у папы готовъ цѣлый духовный генералитетъ; полный епископатъ, которымъ онъ сразу покроетъ Востокъ, какъ только у православныхъ появятся первые признаки колебанія, первые признаки ихъ согласія подчиниться непогрѣшимому наслѣднику погрѣшимаго апостола Петра. Въ распоряженіи у папы есть болѣе трехъ сотъ епископовъ in partibus infidelium (частію они уже и на мѣстахъ, совмѣстно съ законными, православными епископами, частію же они живутъ въ Римѣ „на хлѣбахъ“ у папы; всѣ они, конечно, будутъ очень рады сдѣлаться епископами „in partibus fidelium“. [1]

Готовъ у папы и цѣлый составъ ученыхъ миссіонеровъ, большею частію бывшихъ воспитанниковъ разныхъ школъ соединенныхъ съ „пропагандой“. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія и *подражанія*. Положимъ, ученымъ этимъ преподается не одна истина, а воспитанникамъ, которые предназначаются для совращенія православныхъ, преподается даже несомнѣнная ложь; но ложь эта, обставленная всевозможными подлогами и софизмами, вполнѣ ими усвояется, входитъ въ ихъ плоть и кровь; *они ей вѣрятъ и готовы за нее пострадать!*

Готова у папы и предательски-тонко выработанная система дѣйствій, и самая формула уніи. Я не могу входить въ подробный разборъ этой формулы, но основаніе ея состоитъ въ томъ, что папа, скрывая *сущность* условій возсоединенія,—уніи съ Римомъ (именно всю догматическую сторону дѣла) [2] останавливается лишь на *внѣшней* его сторонѣ, на сохраненіи „древнихъ“ „почтенныхъ“ обрядовъ „достославныхъ великихъ церквей Востока“, неприкосновенность коихъ обставляется всевозможными торжественными обѣщаніями и гарантіями! А для человѣка темнаго какой-нибудь обрядъ, имѣющій часто непонятное для него символическое значеніе, какая-нибудь внѣшность, ходячее, иногда грубое, но привычное мнѣніе, важнѣе

---

[1] Эти епископы находятся въ полномъ распоряженіи Куріи; съ ихъ помощію папа можетъ провозгласить какой-угодно новый догматъ, они же дали большинство папѣ Пію IX, на Ватиканскомъ соборѣ (они вотировавали въ 1870 году папскую непогрѣшимость).

[2] Которая маскируется требованіемъ согласія лишь на признаніи папскаго „*главенства*“, примата.

самой сути дѣла, важнѣе его догматической стороны, до которой онъ не можетъ и додуматься. Тутъ и ученому не всегда легко разобраться, гдѣ же выпутаться неученому! Ловкое смѣшеніе *необходимаго* съ несущественнымъ, смѣшеніе обставленное лестью, мягкими и любезными фразами, дѣйствуетъ и не на однихъ только темныхъ *мірянъ*. На эту грубую удочку ловятся и другіе, не понимающіе, какъ выражается профессоръ Бѣляевъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* (январь, 1896), что папа „мягко стелетъ, да жестко спать!“

Система дѣйствій у папы тоже выработана и испробована давно; это та же самая, которую онъ искони примѣнялъ къ Востоку, еще во время споровъ патріарховъ Игнатія и Фотія. Онъ будетъ ссорить православныхъ и будетъ рѣшать дѣло въ пользу того, кто будетъ прибѣгать къ его рѣшенію, будетъ признавать его авторитетъ. Папа будетъ обѣщать ему и личное свое высокое покровительство и покровительство своихъ могущественныхъ союзниковъ.

На это, можетъ быть, мнѣ возразятъ: да какіе же есть у папы союзники, когда у него отобрали его собственный удѣлъ, пресловутый „даръ Константина“, когда никто уже не обращаетъ вниманія на его протесты, даже на Западѣ?!

Конечно, власть папы падаетъ всюду, но если она лишена силъ *созидательныхъ* даже у себя дома, въ Европѣ, то ея *разрушительныя* силы для дѣйствій противъ Востока еще очень значительны. Для уничтоженія православія у него найдутся сóюзники и на Западѣ (не говоря и о явныхъ и тайныхъ ренегатахъ изъ православныхъ)!

Союзники эти, правда, довольно страннаго свойства. Сами они относятся къ римско-католической вѣрѣ - враждебно; у себя дома, они ее притѣсняютъ; но *внѣ* своихъ границъ они готовы ее поддерживать. Возьмемъ Францію: Гамбетта говаривалъ, что католическая вѣра, или какъ онъ выражался „клерикализмъ“, такой товаръ, который для внутренняго потребленія Франціи не нуженъ, но что онъ очень хорошъ—для *экспорта!* Вотъ Франція такою экспортною торговлей и занимается; для нея — это козырь, важная политическая карта, съ которой она и партнерствуетъ папѣ въ восточныхъ дѣлахъ, хотя и ссорится съ нимъ у себя дома! Одинъ Русскій указалъ на это странное противорѣчіе нѣкоему французскому дипломату, объясняя, что нашей любезной союзницѣ не подобало бы такъ усердствовать и ратовать противъ православія. На это Французъ основательно замѣ-

тилъ: „не затрогивайте лучше этого вопроса: если Франція, въ угоду вамъ, откажется отъ покровительства католиковъ на Востокѣ, то роль эту возьметъ на себя Австрія, и тогда вамъ будетъ еще хуже; съ нами вы все же можете кое-какъ и столковаться!“ Вѣрно!

Другая союзница папы — Австрія давно уже объявила себя „confessionslos“, безвѣрнымъ, въ сущности атеистическимъ государствомъ. Еще недавно, вопреки мужественному протесту своего епископата (не только католическаго, *но и православнаго*); и несмотря на явное противодѣйствіе почтеннаго императора Франца Іосифа, Австрія, въ угоду врагамъ Церкви, ввела у себя гражданскій бракъ—(первый шагъ къ уничтоженію брака какъ таинства, а, стало быть, и *брака вообще*, къ низведенію его на степень контракта, которому нѣтъ логической причины придавать не только вѣчный, но и эмфитевтическій характеръ). И вотъ несмотря на все это, Австрія преусердно окатоличиваетъ Галицію, Буковину, Герцеговину и Боснію! Она идетъ и пойдетъ на Востокѣ рука объ руку съ папой и тоже будетъ усердно заниматься „экспортомъ клерикализма“.

То же самое должно сказать и объ Италіи, съ ея отлученнымъ отъ Церкви королемъ. Синьоръ Криспи, старый гарибальдіецъ, не вѣрящій ни въ Бога ни въ черта, окружалъ нѣжными заботами католическихъ миссіонеровъ, ѣдущихъ въ Эритрею!

Итакъ у Рима не будетъ недостатка въ союзникахъ, ясно, что *его* силы, сравнительно съ тѣми, которыя будутъ выставлены православнымъ Востокомъ — *подавляющи*; легко, стало-быть, понять, что, если Востокъ будетъ оставленъ нами безъ поддержки и помощи, онъ, несомнѣнно, будетъ порабощенъ, оторванъ отъ православной Церкви, потерянъ!

Нѣкоторые изъ нашихъ представителей „ничего не дѣланія“ разсуждаютъ такимъ образомъ: о чемъ тутъ заботиться?! Вѣдь, мы правы; истина на нашей сторонѣ, истина и побѣдить, и мы съ нею, какъ ея представители! Вѣдь, Христосъ, сказалъ что „Врата Адовы не одолѣютъ Его Церкви!“ Конечно, но *гдѣ* эта „Его Церковь?“ Тутъ нужно поразобраться: несомнѣнно, что Вселенская Церковь (то-есть, сумма всѣхъ православныхъ автокефальныхъ Церквей собранная во вселенскій соборъ) „непобѣдима для ада“, что она *въ своихъ догматическихъ* опредѣленіяхъ никогда не ошибется, никогда не погрѣшитъ противъ истины. Несомнѣнно и то, что большинство церквей Востока всецѣло

сберегло завѣщанную ему истину [1], выраженную въ ученіи древней, семи-соборной, нераздѣленной Церкви. Но далѣе этого мы идти не имѣемъ права, не можемъ. Ни одинъ мало-мальски ученый и добросовѣстный человѣкъ далѣе этого и не пойдетъ. *Отдѣльныя* автокефальныя Церкви, какъ бы онѣ знамениты ни были, не гарантированы отъ ошибокъ, отъ паденій, что̀ мы и видѣли не разъ: одно время большинство христіанскихъ церквей принадлежало аріанству (половина IV столѣтія), а въ 634 году обѣ первенствующія каѳедры и древняго и Новаго Рима были заняты еретиками, Гоноріемъ и Сергіемъ, и исповѣдывали монофелитство; о двукратной уніи патріархіи цареградской я уже упоминалъ;—стало быть, отдѣльныя церкви не только *могутъ впадать въ ересь*, но *и впадали въ нее*, ихъ помѣстные соборы не гарантированы отъ погрѣшимости; непогрѣшимъ лишь вселенскій соборъ, то-есть, соборъ всѣхъ отдѣльныхъ православныхъ Церквей; только ему принадлежитъ чудодѣйственное обѣщаніе Христа! Но этихъ примѣровъ, и этихъ богословскихъ „труизмовъ“, повидимому, недостаточно для того, чтобы поколебать сонливую самонадѣянность нѣкоторыхъ изъ насъ, безцеремонно переносящихъ обѣщанія Христа съ одного предмета на другой! Прибавлю слѣдующее: Христосъ не пріурочивалъ своего обѣщанія ни къ какой мѣстности, ни къ какому племени или народу. Для истины Христовой нѣтъ Эллина или Іудея. И мы, настоящіе представители этой истины, можемъ оказаться недостойными носителями священнаго ея стяга! Стягъ этотъ можетъ перейти и въ другія руки. Развѣ мы не видимъ, что центръ тяжести церковной жизни передвигается съ юга на сѣверъ, отъ Грековъ къ Славянамъ? онъ можетъ перейти, напримѣръ, и къ желтому племени. Несомнѣнно: Истинная Церковь не пропадетъ, не исчезнетъ, она непремѣнно и несомнѣнно гдѣ-нибудь, у кого-нибудь, и въ какихъ бы то ни было, хотя бы ничтожныхъ размѣрахъ, да будетъ существовать. Христосъ обѣщалъ человѣчеству, что Онъ никогда не лишитъ его вѣчнаго свѣта, не лишитъ его того неугасаемаго маяка, который вѣчно и всегда будетъ видимъ для тѣхъ, которые не захотятъ преднамѣренно закрывать глаза; но, повторяю, это ничуть не оправдываетъ наивно-кичливой самоувѣренности нѣкоторыхъ изъ насъ, думающихъ связать слово Божіе географіей! Вотъ *это* непростительный филетизмъ. Можемъ-ли мы, можетъ-ли Россія

[1] Потеряны, правда, церкви Армянская, Коптская, Абиссинская, Яковиты, но вселенскому собору будетъ не трудно ихъ вернуть.

оставаться равнодушной зрительницей этой неравной, трагической борьбы! Можемъ-ли мы допустить, чтобы наши единовѣрцы, чтобы Востокъ, носитель столь великой святости и славы, которому мы обязаны и нашею вѣрой, былъ выданъ головой враждебному намъ Риму!..

Нѣтъ! *Конечно*—нѣтъ!

Какъ въ отношеніи политическомъ для насъ важенъ *единокровный* намъ міръ славянскій, такъ точно, въ отношеніи религіозномъ для насъ важенъ единовѣрный міръ восточный. Какъ Россія не исполнитъ своего *политическаго* призванія, выдѣлившись изъ своего племени, такъ же точно она не исполнитъ и своей *этико-религіозной задачи*, выдѣливъ себя изъ своей Церкви, забывъ, что она лишь *часть* Вселенской Церкви, часть, почерпающая свое значеніе лишь въ общности и общеніи со всѣми другими большими и малыми частями этой Церкви!

Эту двойственную роль Россіи можно разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: съ нравственной, этической, и съ утилитарной; но въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе получится одинаковое.

Мы *нравственно обязаны* поддерживать нашихъ братій по вѣрѣ и крови, но мы должны поддерживать ихъ и *по чисто утилитарнымъ, оппортунистическимъ соображеніямъ*. Для насъ просто *выгодно*, чтобы и Славяне и православные были, и оставались нашими братьями и друзьями, и *не* выгодно, чтобы они переходили въ непріятельскій лагерь и дѣлались нашими врагами!

Вѣдь это разсчетъ элементарно-ясный! можно-ли объ этомъ спорить?! Но грустно и стыдно поддерживать этику и религію утилитарными соображеніями.

Политическая сторона этого вопроса была выясняема не разъ; я не буду, поэтому, повторять всѣмъ извѣстныхъ доказательствъ; замѣчу только, что, несмотря на всѣ софизмы противныхъ намъ лагерей—западническаго и бюрократическаго—наше ученіе вошло во всеобщее сознаніе. Всѣ понимаютъ теперь, что *политическое* величіе Россіи зависитъ преимущественно отъ ея значенія какъ первенствующей славянской державы, группирующей около себя остальныхъ *свободныхъ* членовъ славянской семьи. Это стремленіе къ группировкѣ одноплеменныхъ народностей оправдывается всей новѣйшей исторіей. [1]

[1] И на Западѣ старое понятіе о Государствѣ, разсматриваемомъ *внѣ* данныхъ этнографіи, отживаетъ свой вѣкъ, оно сдѣлалось, какъ говорятъ нѣмцы, ein uebervundener Standpunct“ и постепенно замѣняется но-

Такое же явленіе происходитъ и въ области церковной. Никогда еще стремленіе къ соединенію болѣе или менѣе однородныхъ церковныхъ единицъ въ большія религіозныя группы не становилось такъ настойчиво и рѣшительно на очередь, какъ именно въ настоящее время; никогда еще такъ не выяснялось и великое значеніе Россіи, какъ первенствующей православной державы! Можно-ли, не грѣшно-ли въ такую минуту оставаться въ сонливо-самодовольномъ, тупомъ бездѣйствіи!

Но вотъ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ кричали противъ вмѣшательства Россіи въ дѣла народовъ славянскихъ, такъ же точно кричатъ теперь и противъ сближеніи нашего съ церквами православными или стремящимися быть таковыми!

„Что намъ за дѣло до какихъ-то автокефальныхъ церквей Востока или Запада“ говорятъ наши Китайцы. „Какая тамъ древняя вселенская церковь первыхъ семи столѣтій и семи соборовъ, которой Христосъ далъ даръ непогрѣшимости, но о которой мы знаемъ такъ не много! Есть у насъ свои попы, и архіереи и Св. Сѵноеъ въ С.-Петербургѣ! Чего намъ еще? а забунтуютъ у насъ тамъ такіе Пашковцы или Толстовцы—такъ на этотъ случай есть у насъ и полиція, готовая защитить нашу церковь. И конецъ! О чемъ намъ хлопотать. Намъ за нашей великой стѣной и такъ хорошо. Автокефальныя церкви? Да большинство насъ и пересчитать-то ихъ не сумѣетъ!“ Да! вотъ это вѣрно; мы ихъ и не знаемъ, и не перечтемъ! Но не есть-ли это самое строгое самоосужденіе? Тѣмъ стыднѣе, тѣмъ хуже для насъ; значитъ,—мы не знаемъ, не понимаемъ самаго источника нашей нравственной силы и нашего значенія! Лишь недомысліе и вѣковая отчужденность отъ нашихъ единовѣрцевъ, лишь полное непониманіе основныхъ условій жизни и Церкви—могли породить такой индифферентизмъ, такое отсутствіе христіанской любви! Такія чувства — источникъ великаго зла и несчастій, и притомъ не столько *для тѣхъ*, которыхъ мы лишаемъ нашей нравственной поддержки, нашей помощи, *сколько для насъ* самихъ,—близорукихъ, сухихъ эгоистовъ!

вымъ понятіемъ племенныхъ группировокъ. И Бисмаркъ и Кавуръ были совершенно правы, понявъ требованія своего времени и объединивъ первый—Германію, второй—Италію, но они виноваты въ томъ, что достигли законныхъ цѣлей—незаконными путями, т. е. насиліемъ, завоеваніемъ. Отъ такого пути, мы Славянофилы конечно отказываемся, мы не хотимъ завоевывать ни одного славянскаго народа, мы ищемъ добровольнаго ихъ съ нами союза, и безъ всякаго умаленія ихъ самостоятельности.

Не даромъ извѣстный нашъ богословъ—Ал. Ст. Хомяковъ такъ сильно настаивалъ на этой мысли. Онъ и великій расколъ IX столѣтія, и самое отпаденіе Рима объяснялъ не столько возникновеніемъ вѣроисповѣдныхъ разностей — сколько эгоизмомъ, отсутствіемъ любви! Римъ, говорилъ Хомяковъ, возгордился, превознесся, онъ привыкъ видѣть вокругъ себя слабѣйшихъ, онъ *пренебрегъ* своими братьями, началъ учить, что *онъ* вселенская церковь, что *онъ* обладатель истины—и—началъ возводить свои *частныя мнѣнія* въ догматы. Не послѣдуемъ же такому грубому искушенію, такому себялюбивому примѣру!

О всѣхъ безъ исключенія православныхъ, о сильныхъ и слабыхъ, малочисленныхъ, о полудикихъ и высококультурныхъ должны мы заботиться; всѣхъ ихъ должны мы любить и оберегать! Но этого мало. Всюду, гдѣ бы ни проявилась, ни промелькнула православная мысль—мы должны ее привѣтствовать, а не встрѣчать холоднымъ недовѣріемъ за то, что она осмѣливается облекаться въ не привычную для нашего глаза, въ необычную форму, недовѣріемъ, большею частію основаннымъ на собственномъ нашемъ невѣдѣніи.

На основаніи этихъ соображеній, то-есть, не только по сознанію общности интересовъ, но и по чувству христіанской любви намъ слѣдуетъ относиться благожелательно и къ старо-католикамъ, ученіе которыхъ основано на ученіи вселенской церкви, которую и мы признаемъ своей руководительницей. Старо-католики представляютъ для насъ еще и совершенно особенный интересъ, и именно вотъ въ какомъ отношеніи: мы часто говоримъ о нашемъ мессіанизмѣ; о томъ, что мы, обладатели и религіозной (безусловной) и политической (условной) истины, призваны подѣлиться этими дарами и съ Западомъ; но, до сихъ поръ, мессіанизмъ этотъ, если не считать совершенно неудачныхъ попытокъ осуществить туманные идеалы священнаго союза, ни чѣмъ еще не проявлялся; *наше участіе въ движеніи старо-католиковъ есть первое проявленіе этого мессіанизма на высоко-культурномъ Западѣ.* Къ сожалѣнію на эту точку зрѣнія у насъ становятся и могутъ стать очень немногіе. Мы всѣ говоримъ о тождествѣ нашемъ съ древней вселенской церковью, но очень немногіе способны понять именно живой мессіаническій духъ этой церкви! Очень немногіе способны понять разницу между *непоколебимостію*, живой неизмѣняемостію и бездѣйственной *неподвижностію*.

Возвращаюсь къ разсмотрѣнію предлежащей намъ задачи на православномъ Востокѣ.

Борьба—ввиду! Предвидимъ-ли мы надвигающуюся грозу? думаемъ-ли мы о ней? принимаемъ-ли мы надлежащія мѣры, дабы не быть застигнутыми врасплохъ. Повидимому, нѣтъ! не говорю о какихъ-нибудь неизвѣстныхъ мнѣ предположеніяхъ и мѣрахъ военнаго или политическаго свойства,—это дѣло второстепенной важности. Для насъ вопросъ въ томъ, сознаемъ-ли мы, видимъ-ли мы съ надлежащей ясностію настоящее религіозное, церковное положеніе Востока и то будущее его положеніе, въ которомъ онъ очутится, когда съ него спадетъ оттоманское ярмо и то положеніе, въ которомъ, вмѣстѣ съ нимъ, очутимся и мы и самыя автокефальныя православныя церкви?

Думаю, что ничего этого мы себѣ еще не уяснили!

На вопросъ „что же дѣлать?“ можно пока отвѣтить только слѣдующее:

Во первыхъ,—мы должны хорошенько понять, что намъ предстоитъ выдержать тяжелую, упорную борьбу съ могущественнымъ врагомъ [1], а стало быть, и быстро готовиться къ отпору! Вѣдь борьба идетъ уже и теперь; только мы по обыкновенію не въ состояніи ея разглядѣть потому, что она происходитъ за-границей, а мы отвыкли понимать, что и за-границей живутъ православные, и что *мы съ этими православными составляемъ одну и ту же единую церковь*! Повторяю, борьба уже въ полномъ ходу, но она загорожена отъ насъ призракомъ оттоманскаго государства. Недавно даже и въ самомъ Константинополѣ учреждена школа для совращенія православныхъ дѣтей, на-дняхъ началось присоединеніе къ Риму Коптовъ... Все это дѣлается систематически; чтобы въ этомъ убѣдиться стоитъ пробѣжать нѣсколько газетъ, издающихся подъ наблюденіемъ римской Куріи. Вы найдете тамъ не только праздныя статьи „о единомъ стадѣ и единомъ любящемъ пастырѣ, готовомъ положить свою душу за овцы своя и т. п.“ Вы найдете въ нихъ дѣловыя, обдуманныя распоряженія, настоящіе „приказы по арміи“. А у насъ многіе еще и теперь толкуютъ, что намъ слѣдуетъ какъ-

---

[1] Говоря о врагѣ, я собственно разумѣю *Латинство*, что касается до англиканства и разныхъ протестантскихъ церковныхъ обществъ, то я не считаю ихъ ни очень враждебными, ни, по своей разрозненности—очень опасными. Опасенъ — только *Римъ*, но за то — *очень* опасенъ и *очень* враждебенъ. Конечно опасна и наша собственная косность.

нибудь сговориться съ папой, умиротворить его, что онъ вѣдь такой любезный и умный и т. п. Да, что онъ врагъ *умный*, это несомнѣнно; но не сомнѣнно и то, что онъ *врагъ*!

Во-вторыхъ,—намъ необходимо немедленно приступить къ подробному изученію всего православнаго Востока, познакомиться съ его силами, сообразить, на сколько онъ самъ, предоставленный самому себѣ, безъ посторонней помощи, способенъ къ сопротивленію? Намъ необходимо выяснить, отъ чего зависитъ податливость Востока относительно римской пропаганды: отъ неспособности-ли его понять римскую лесть (на которую и мы, сдуру, такъ податливы), римскія ухищренія, или отъ того, что Востокъ подъ-часъ готовъ поступиться и интересами вѣры, лишь бы спасти интересы своей народности? Отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть и нашъ образъ дѣйствій.

До учрежденія Палестинскаго Общества, съ Востока нами получались самыя скудныя свѣдѣнія. Съ основаніемъ сего общества, прекрасной дѣятельности коего нельзя не сочувствовать, дѣло улучшилось; но этого недостаточно, намъ необходимо имѣть гораздо болѣе точныя и разностороннія свѣдѣнія. Для достиженія этого необходимо имѣть спеціальныхъ ученыхъ агентовъ, свободныхъ отъ всякихъ посторонникъ служебныхъ заботъ и дѣлъ, въ родѣ тѣхъ эмиссаровъ, которыхъ посылаетъ Римъ для изученія Востока и Россіи. Я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ изъ нихъ. До своего посѣщенія Россіи онъ спеціально занимался Востокомъ, онъ его изучилъ и изъѣздилъ вдоль и поперекъ. Плодомъ его изслѣдованій было объемистое сочиненіе (по-италіански) наполненное множествомъ свѣдѣній самыхъ разнообразныхъ. Не успѣлъ онъ вернуться въ Римъ, какъ папа посылаетъ его въ Россію! Не безъ страха, *но безо всякаго колебанія*, отправляется эмиссаръ къ сѣвернымъ „фотіанцамъ“, посѣщаетъ Одессу, Кіевъ, Москву, Петербургъ, знакомится со всѣми мало-мальски интересными людьми, изучаетъ всѣхъ и вся, сближается съ нашими латинствующими, завязываетъ съ ними сношенія и возвращается къ Св. Отцу съ множествомъ разносторонникъ свѣдѣній. Вотъ какіе агенты намъ нужны!

Кромѣ сего, при всѣхъ автокефальныхъ церквахъ намъ слѣдовало бы имѣть постоянныхъ представителей, спеціальныхъ ученыхъ, знающихъ мѣстные языки, могущихъ служить постоянными посредниками между нами и другими автокефальными церквами, и при этомъ не связанныхъ какими-либо посторонними обязанностями.

Вотъ, ежели бы все это было, мы бы знали, какими силами располагаетъ та или другая церковь, и вообще Востокъ, и какими силами располагаетъ въ данной мѣстности Римъ. Тогда бы мы не ходили въ потемкахъ, и могли бы установить общій планъ дѣйствій.

Наконецъ, и это самое важное, намъ необходимо успокоиться, объединиться у себя дома, столковаться относительно того, *что* собственно мы должны защищать и отстаивать. Къ чему должны стремиться? Вопросъ совсѣмъ не праздный, и на который, какъ это ни странно, многіе отвѣтятъ у насъ весьма различно! Общія фразы у насъ, по обыкновенію всегда на лицо; оффиціальный отвѣтъ всегда готовъ; на вопросъ—что намъ слѣдуетъ дѣлать? сейчасъ же скажутъ: „Очень просто: защищаться отъ посягательствъ Рима, а самимъ продолжать благоденствовать и жить въ единеніи и мирѣ!“ Первая часть отвѣта, какъ отрицательная—довольно удобопонятна (хотя, какъ мы видѣли—мы очень не готовы къ предстоящимъ дѣйствіямъ)—вторая—дѣло совсѣмъ другое. Ее понимаютъ весьма различно, и весьма туманно! Легко сказать: „жить въ единствѣ и мирѣ и благоденствовать“. Вѣдь многіе и не подозрѣваютъ, что мы живемъ и не въ единствѣ и не въ мирѣ. (Не знаю, благоденствуемъ-ли мы?) что при полномъ единствѣ догматическомъ, у насъ, въ *очень многихъ* и *очень серіозныхъ* вопросахъ, единства нѣтъ; а это конечно значительно ослабляетъ нашу церковь. Относительно этого единства будутъ несомнѣнно высказаны вещи очень неожиданныя, именно потому, что у насъ смотрятъ весьма различно на то, въ чемъ единство это должно собственно состоять, и чѣмъ и когда оно нарушается, гдѣ начинается обязательный догматъ, и гдѣ—свободное богословское мнѣніе, гдѣ безусловная истина и гдѣ ея толкованіе [1].

Что въ настоящее время рознь существуетъ, это къ несчастію не подлежитъ сомнѣнію! Не касаясь области доктринальной, я укажу на нѣсколько фактовъ изъ области чисто практической, но тѣмъ не менѣе весьма важныхъ. Извѣстно, напр., что Восточные патріархи, а отчасти и Греки Королевства смотрятъ на ка-

[1] Вѣдь у насъ есть богословы, готовые утверждать, что наши помѣстные соборы въ десять-пятнадцать Епископовъ столь же непогрѣшимы, какъ и Вселенскіе, что и они получили отъ Христа даръ непогрѣшимости, и, что вѣрность общепризнаннымъ вселенскимъ соборамъ и вообще вѣрованію древней нераздѣленной Церкви недостоточна для того, чтобы быть православнымъ!

толикокъ не такъ, какъ смотримъ мы. (Объ этомъ не мало было толковъ по случаю присоединенія къ православію двухъ высокихъ особъ, принцессы спартанской Софіи и княжича Бориса). Мы и патріархаты присоединяемъ католиковъ совершенно различно, стало быть, и смотримъ на нихъ различно. Для Грековъ они еретики и даже не крещеные, стало быть, въ сущности, нехристи.

Эту разность во взглядахъ на возсоединеніе еретиковъ и отщепенцевъ ни какъ не умалишь ссылкой на то, что она относится до церковной практики и поэтому будто-бы не существенна! Нѣтъ: практика—эта и сама по себѣ очень важная, влекущая за собою очень серіозныя послѣдствія, основана на различномъ пониманіи того, что значитъ ересь, въ чемъ она состоитъ. Если одно и тоже считается одними—ересью, а другими—нѣтъ, очевидно, въ самомъ основаніи этихъ взглядовъ существуетъ весьма опредѣленное разногласіе, которое ни какъ не сгладишь общими фразами.

Позволю себѣ указать еще на слѣдующіе примѣры: на разность въ пониманіи значенія брака. Таинство это служитъ основаніемъ семейства, семейство же—основаніе всякаго гражданскаго общества. Но *устойчивость этого таинства зависитъ въ значительной степени отъ легкости или затруднительности разводовъ*. Легкость разводовъ можетъ фактически свести самое таинство на-нѣтъ! Въ этомъ отношеніи разница между Константинополемъ и нами (и еще болѣе Румынами) очень велика. Конечно, самое таинство совершается одинаково, но несомнѣнно — легкость или затруднительность его нарушенія разводомъ играетъ очень существенную роль. У насъ, и еще болѣе у Румынъ, легкость разводовъ дошла до крайности, до самыхъ печальныхъ размѣровъ. Говорятъ — это совершается подъ давленіемъ мірской власти, но что же это за извиненіе? Гдѣ же протесты церкви противъ этого злоупотребленія власти!? Говорятъ, за-границей, въ странахъ католическихъ, гдѣ заведенъ гражданскій бракъ, дѣло обстоитъ еще хуже,—положимъ; но тамъ церковь протестуетъ, тамъ знаютъ, что потворство разводу не согласно съ ученіемъ церкви, и кто дорожитъ церковью тотъ объ этомъ думаетъ! Въ константинопольскомъ патріархатѣ разводъ связанъ (по крайней мѣрѣ еще очень не давно былъ связанъ), для виновной стороны, съ такими тяжелыми послѣдствіями, что на него рѣшались не многіе. Да и у насъ, на моей памяти, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ разводы

были дѣломъ очень рѣдкимъ, на нихъ смотрѣли очень неодобрительно и строго! Современная наша практика тѣмъ страннѣе, что нерасторжимость брака подтверждается въ одномъ документѣ, (посланіе восточныхъ патріарховъ 1723 года) которому нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ приписываютъ чуть не догматическое значеніе, (несмотри на его чисто-полемическій характеръ, выражающійся между прочимъ и въ стѣсненіи мірянъ въ пользованіи словомъ Божіимъ). Такое разномысліе о столь важномъ вопросѣ конечно крайне прискорбно! Это поважнѣе обливанія или погруженія, о которыхъ написаны цѣлые томы.

Не менѣе важны разномыслія существующія въ разныхъ православныхъ государствахъ въ пониманіи отношеній между церковью и мірской властію. Мірская власть, не касаясь даже догматовъ, не нарушая ихъ, можетъ стѣснять жизнь Церкви, вносить въ нее разлагающіе элементы. Вопросъ объ отношеніяхъ міра къ церкви рѣшается очень различно въ разныхъ православныхъ государствахъ—и *это несомнѣнное и великое зло!* Зло это слѣдовало бы исправить, и *конечно* въ смыслѣ возвращенія церкви и ея представителямъ большей самостоятельности, хотя бы въ правѣ выраженія осужденія тѣхъ или другихъ фактовъ общественной жизни, которыхъ церковь не можетъ и не должна одобрять. Для поясненія моей мысли приведу примѣръ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ епископъ, желая прекратить публичный скандалъ смущавшій ввѣренную ему паству, высказалъ публичное же осужденіе мѣстному губернатору за его соблазнительную жизнь, угрожая еще строжайшими церковными мѣрами въ случаѣ его упорства: и губернатору—пришлось подчиниться. Не вхожу въ разборъ дѣла по существу (я лично считаю епископа не сомнѣнно правымъ); смѣю думать, что такой порядокъ весьма желателенъ, но думаю за тѣмъ, что *нынѣ* почтенный пастырь едва-ли найдетъ много подражателей?..—А много-ли найдется Филипповъ московскихъ или Амвросіевъ медіоланскихъ? (правда — у этихъ, былъ другой „регламентъ“).

Я позволилъ себѣ указать на такіе примѣры разногласій, которые относятся къ практическимъ сторонамъ жизни, не заглядывая въ теорію, въ разныя богословскія мнѣнія... а тутъ непочатый уголъ самыхъ неожиданныхъ разномыслій! Въ виду важности дѣла позволю себѣ еще нѣсколько замѣчаній, вѣдь оно настоятельно требуетъ полнаго выясненія. Вопросъ сводится къ слѣдующему:

Чему должны мы вѣрить, *что* обязательно для христіанина? Намъ отвѣчаютъ, что мы должны вѣрить: догматическимъ постановленіямъ вселенской церкви. То-есть, тому, что содержится въ соединенныхъ символахъ вѣры первыхъ двухъ вселенскихъ соборовъ, догмату четвертаго Халкидонскаго вселенскаго собора о двухъ естествахъ въ единомъ лицѣ Іисуса Христа, догмату шестаго константинопольскаго собора о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ Іисусѣ Христѣ и, наконецъ, догмату объ иконопочитаніи, седьмаго Никейскаго вселенскаго собора.

Но этимъ дѣло не ограничивается: есть великое множество каноновъ, правилъ, принятыхъ на тѣхъ же семи вселенскихъ соборахъ, и на соборахъ помѣстныхъ; существуетъ кромѣ того много правилъ и отдѣльныхъ отцевъ церкви, которыя не только сами по себѣ важны, но которыя одобрены и соборами, покрыты ихъ авторитетомъ. Всѣ эти догматы и правила собраны въ книгѣ „правилъ св. апостолъ семи соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отецъ“. Но въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи постановленій церкви есть множество такихъ каноновъ, которые въ древности имѣли полное значеніе, но теперь не только не имѣютъ *никакого*, но даже и совершенно не примѣнимы къ жизни, въ полномъ съ нею разладѣ—стоитъ открыть собраніе этихъ правилъ,—чтобы въ этомъ убѣдиться; такъ, напр. древняя церковъ смотрѣла на бракъ иначе нежели нынѣшняя, (второй бракъ наказывался отлученіемъ на два года, а третій—отлученіемъ отъ церкви, и лишеніемъ св. Причастія на 5 лѣтъ) [1]. Практика это отмѣнила. Можно найти множество каноновъ очень стѣснительныхъ для совѣсти христіанина. Все это служитъ источникомъ великихъ разногласій, и не можетъ не смутить человѣка, относящагося съ должнымъ почтеніемъ и страхомъ къ законамъ церкви, смущеніе это увеличивается еще и тѣмъ, что отступленія отъ древнихъ правилъ совершаются все въ одномъ направленіи—въ смыслѣ умаленія правъ и области дѣйствій церкви и соотвѣтственнаго расширенія области дѣйствій міра, государства.

Нужно-ли доказывать, что такое положеніе дѣлъ не служитъ къ укрѣпленію церкви, къ ея единенію, къ увеличенію нашихъ „шансовъ“ въ борьбѣ съ нашими врагами.

---

[1] Замѣчательно, что практика отмѣнила и самое первое правило св. апостолъ. Оно гласитъ: епископа да поставляютъ *два* или *три* епископа; У насъ (на Востокѣ) эта льгота отмѣнена, не допущена, требуется присутствіе или участіе непремѣнно трехъ епископовъ.

Конечно, нѣкоторая рознь въ церковной жизни, въ практикѣ и въ особенности въ богословскихъ мнѣніяхъ (въ *толкованіяхъ* истины, въ ея *пониманіи*), всегда допускалась, *и должна быть допускаема*; (до размѣровъ, не нарушающихъ единства *догматическаго* ученія), но у насъ все это признается и дѣлается какъ-то непослѣдовательно, у насъ многіе и очень многіе относятся къ этому чисто по-раскольничьи, „отцѣживая комара и глотая верблюда!“

Такія разногласія, такая неопредѣленность нарушаютъ самыя существенныя условія религіозной жизни, препятствуютъ ея правильному развитію, и однако этимъ смущаются очень не многіе, *молчаливо* на это смотрятъ; а о какихъ-нибудь никому не понятныхъ ученіяхъ метафизическаго свойства (н. пр. о транссубстанціаціи), о томъ, что преложеніе не можетъ совершаться (или совершается какъ-то труднѣе) на прѣсномъ хлѣбѣ, нежели на квасномъ, о постѣ въ субботу, объ удавленинѣ, о мистическомъ значеніи числа семь и сотнѣ другихъ вопросовъ того же рода, мы готовы препираться и теперь, считая ихъ существенными догматами нашей вѣры! Спѣшу прибавить, что я отнюдь не желаю умалять значенія этихъ вопросовъ, мы не можемъ ихъ обходить, „игнорировать“; они въ свое время имѣли несомнѣнную важность, они почтенны уже своею древностію, нѣкоторымъ изъ нихъ болѣе тысячи лѣтъ, но все же имъ не слѣдовало бы приписывать неподобающаго имъ догматическаго, безусловнаго значенія. Мы несомнѣнно должны оберегать и всякую іоту *нашего догматическаго* ученія и *малѣйшую* частицу той истины, которая *необходима для нашего спасенія*, но нельзя не сознаться, что и несправедливо и жестоко (не по-христіански) придавать что-либо излишнее къ этой истинѣ, что-либо къ ней не принадлежащее. Учители наши должны помнить, что слѣдуетъ идти на помощь душѣ стремлящейся къ познанію божественной истины, что слѣдуетъ окрилять ее, а не отягчать не нужнымъ бременемъ, что слѣдуетъ освѣщать дорогу, которая приведетъ къ божественной истинѣ, а не выставлять ложные маяки! Говоря все это, я именно имѣю въ виду какъ заграничныхъ инославныхъ еще христіанъ, которые питаютъ надежду возсоединенія съ нами, такъ и нашихъ раскольниковъ, изъ которыхъ многіе тяготятся своимъ положеніемъ.

Вышесказаннаго, надѣюсь, будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что у насъ, на Востокѣ, нѣтъ ни того единства, ни той твердой устойчивости, о которыхъ говорятъ нѣкоторыя оффиціозныя и оффиціальныя заявленія, что пока— все это еще—надежды!

Какія же имѣются средства для того, чтобы установить желанное единство, желанное вообще, и необходимое въ частности для веденія борьбы съ наступающимъ на насъ Римомъ? Кто достаточно могущественъ и „авторитетенъ“, для того чтобы сказать всему Востоку, всему православному міру:—вотъ основанія для всеобщаго умиротворенія, для прочнаго единства; вотъ то, что всѣ должны признавать; вотъ источники нашей нравственной силы!

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Такимъ могуществомъ, такимъ авторитетомъ пользуется лишь совокупность всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей—то-есть, Вселенскій Соборъ!

Я знаю, что я затрогиваю вопросъ крайне важный, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливался и такой человѣкъ какъ Филаретъ Московскій. И въ данную минуту люди не сомнѣвающіеся въ необходимости Собора останавливаются однако передъ вопросомъ—готовы ли мы къ его рѣшенію, *достойны ли мы* взяться за такое великое дѣло? Еще на дняхъ одно авторитетное лице говорило мнѣ: Кто можетъ сказать, что *наступилъ часъ для этого великаго событія*? Но, возражу я, кто же можетъ сказать, что часъ этотъ *не* наступилъ. Во всякомъ случаѣ одно несомнѣнно: часъ этотъ *наступаетъ*. При томъ вѣдь я говорю только *о необходимости* вселенскаго собора, о томъ, что къ нему должно *готовиться*. Я не толкую о его немедленномъ созывѣ, но доказываю лишь, что онъ все болѣе и болѣе становится необходимымъ. Можно ли въ этомъ сомнѣваться?! Жизнь Россіи можетъ правильно и успѣшно развиваться лишь подъ условіемъ постояннаго воздѣйствія на нее церкви; а церковь не можетъ проявлять своей врачующей мощи, не можетъ правильно жить внѣ взаимодѣйствія и совѣта ея составныхъ частей. Разсматриваемая теоретически, организація нашей православной вселенской церкви — несомнѣнно наилучшая, какая только можетъ быть: самостоятельно живущія автокефальныя церкви, связанныя единствомъ догмата, отвѣтственныя за его сохраненіе передъ Вселенскими соборами и провѣряющія на нихъ же эту сохранность. Но организація эта превосходна именно подъ условіемъ, чтобы въ лицѣ своихъ представителей наши автокефальныя церкви были, въ извѣстные сроки или и по мѣрѣ надобности, собираемы въ общій вселенскій соборъ, обезпечивающій ихъ единство и независимость. Безъ этого *существеннаго* дополненія, организація нашей церкви оказывается очень не полной, не удовлетворительной.

Необходимость созыва соборовъ была съизначала сознаваема не только самой церковью, но и міромъ, (стоитъ прочесть напр. созывныя грамоты императоровъ для того чтобы убѣдиться въ этомъ). Тогдашній міръ, чуткій къ своимъ нравственнымъ потребностямъ, ясно видѣлъ, что только въ союзѣ съ церковью, что только опираясь на нее, онъ можетъ достигнуть своихъ высшихъ цѣлей, и міръ помогалъ жизни церкви, шелъ съ нею рука объ руку! Впрочемъ вѣдь и теперь ни кто не оспариваетъ необходимости соборовъ; но, какъ многія другія истины, такъ и эта, признается въ теоріи, а на практикѣ сдается въ складъ, вмѣстѣ съ другими археологическими рѣдкостями.

Можно ли сомнѣваться въ великой пользѣ собора, въ его необходимости!?

Развѣ всѣ мы, вѣрующіе, не почувствуемъ себя сильнѣе, бодрѣе, видя что православная церковь снова начинаетъ жить, какъ она жила въ древности, слушая ея могущественный авторитетный голосъ? Развѣ это не возбудитъ нашихъ силъ, не оживитъ насъ, не побудитъ насъ къ усиленной дѣятельности? Развѣ наши автокефальныя церкви не почувствуютъ, что у нихъ есть опора между прочимъ и противъ возможныхъ посягательствъ на нихъ міра, противъ неразумія слугъ Кесаря, вторгающихся въ область Божію!

Повторяю: Несомнѣнно, созывъ вселенскаго собора—дѣло важное и трудное, требующее много осторожности, твердости, много предварительныхъ работъ, но несомнѣнно и то, что онъ годъ отъ года становится необходимѣе! Мы живемъ быстро, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро нарастаютъ и обостряются разные вопросы, требующіе рѣшенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю девятисотлѣтняго юбилея крещенія Россіи, я довольно подробно говорилъ о необходимости созыва вселенскаго собора и о тѣхъ дѣлахъ, которыя требуютъ его авторитетнаго рѣшенія. Между прочимъ я указывалъ на болгарскій расколъ. Замѣчу, что самое авторитетное лицо въ нашей церкви—патріархъ Константинопольскій—тоже, и уже давно, указывалъ на необходимость созыва вселенскаго собора, какъ на нормальное и лучшее средство для рѣшенія болгарскаго недоумѣнія. Но вѣдь расколъ не въ одной Болгаріи! Нашъ собственный расколъ—великая язва нашей церкви! и ее необходимо излѣчить. Взгляды на расколъ начинаютъ къ счастію измѣняться, а вмѣстѣ съ симъ и система борьбы съ нимъ; расколъ перестали объяснять „преступной злобой противъ нашей святой церкви“. Конечно,

среди раскольниковъ есть не мало злобствующихъ фонатиковъ; большинство раскольниковъ впадаетъ въ грубую ошибку смѣшенія частнаго богословскаго мнѣнія съ догматическимъ ученіемъ вселенской церкви, внѣшней случайной оболочки, въ которую облекается истина, съ самой истиной, но несомнѣнно, многіе начинаютъ уже сознавать, что между раскольниками есть не мало людей, пламенно, страстно ищущихъ истину, людей, бросающихся въ расколъ только потому, что не находятъ иногда отвѣта на свои сомнѣнія; не находятъ достаточно свѣдущихъ, *внушающихъ довѣріе* руководителей, могущихъ указать имъ безчисленные источники въ нашей вѣрѣ, способные утолить самую жгучую жажду христіанской души. Жажда эта не всегда утоляется оффиціальными формулами и стереотипными изреченіями уже не соотвѣтствующими требованіямъ жизни. Не осмѣливаюсь впрочемъ винить тѣхъ, которые вынуждены утверждать, что все совершающееся въ нашей церковной жизни превосходно, что оно не *можетъ* и не *должно* совершаться иначе.

Раскольники не могутъ помирить того, что есть, съ тѣмъ, что должно и *можетъ* быть. Но одни ли раскольники находятся въ этомъ тягостномъ положеніи? Многіе изъ насъ, изъ лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нашимъ историческимъ, древнимъ расколомъ, попадаютъ въ тенета разныхъ Редстокистовъ, Пашковыхъ, Толстыхъ лишь послѣ хотя и неумѣлаго, но *искренняго* исканія истины, исканія достаточно авторитетнаго учителя, голосу котораго *мы бы желали*, мы бы готовы были подчиниться! Что касается собственно до раскольниковъ, то формальная постановка ихъ защиты достаточно извѣстна; она основана на клятвахъ Московскаго собора 1666—67 год. „Вы, господствующая церковь“, говорятъ раскольники, „утверждаете, что клятвы эти, наложенныя на наши обряды (или на наше противленіе), съ насъ сняты; но вы забываете, что онѣ наложены *соборомъ* русской церкви, на которомъ были (кромѣ патріарха россійскаго Іоасафа) еще два другихъ—именно Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, а сняты эти клятвы Св. Сунодомъ, коего власть равняется лишь власти одного патріарха, и который, конечно, не равенъ собору даже и одной россійской церкви. На эту аргументацію, хотя и формальнаго свойства, отвѣтить можно лишь изреченіемъ вселенскаго собора; но за то *этотъ* голосъ можетъ вполнѣ успокоить совѣсть тѣхъ, которые добросовѣстно смущаются клятвами московскаго собора, онъ же замкнетъ уста и лицъ недобросовѣстныхъ.

Укажу далѣе, какъ предметъ для обсужденія Вселенскаго собора, — вопросъ армянскій. Для, во всѣхъ отношеніяхъ желательнаго возсоединенія армянъ, тоже потребуется авторитетный голосъ вселенской церкви, вселенскаго собора, ибо и самое отдѣленіе армянской церкви произошло вслѣдствіе не вѣрно понятаго постановленія вселенскаго же (Халкидонскаго) собора о двухъ естествахъ І. Христа. Конечно, Армяне испросятъ у собора и обезпеченіе существованія своей автокефальной церкви, дабы оградить ее отъ судьбы своей сестры автокефальной церкви грузинской, незаконно потерявшей свою самостоятельность.—Но что же? Тѣмъ лучше!

Несомнѣнно удовлетворительно разрѣшитъ Вселенскій соборъ и вопросы Абиссинскій и Коптскій. Уповать должно, что, если старо-католическій вопросъ не будетъ разрѣшенъ ранѣе, то и его окончитъ Вселенскій соборъ, и (въ этомъ ручаются прекрасныя мысли, высказанныя патріархіею въ отвѣтѣ на энциклику папы и въ письмѣ патріарха къ профессору Мишо) [1] въ благопріятномъ смыслѣ для ищущихъ съ нами возсоединенія.

Несомнѣнно важнымъ и необходимымъ дѣломъ было бы изданіе Катихизиса православной вѣры, утвержденнаго неоспоримымъ авторитетомъ Вселенскаго Собора. У римско-католиковъ есть такой обязательный для всѣхъ тридентинскій Катихизисъ, у насъ есть обязательныя для насъ правила, св. Апостолъ... изъ которыхъ, какъ мы видѣли, многія потеряли свое значеніе, хотя обязательность ихъ и до сихъ поръ обезпечена даже жестокими анаѳематствованіями, а многія неправильно упразднены. Все это можетъ привести въ порядокъ лишь Вселенскій соборъ.

Все это относится до области церковной, но для успѣшной дѣятельности нашей Церкви на Востокѣ нужно, чтобы и наша дипломатія ей не препятствовала, не „игнорировала“ ея, а напротивъ дѣйствовала бы параллельно съ Церковью, сглаживала бы ея пути тамъ, гдѣ они обставляются политическими препонами. Бо́льшаго Церковь отъ міра и не ищетъ, *и не желаетъ!*

Но допустимъ, что все здѣсь высказанное осуществилось, что мы сознали опасность, угрожающую всему православному міру; что мы его изучили, заручились всѣми свѣдѣніями, безъ которыхъ невозможно дѣйствовать, что Вселенскій соборъ объединилъ нашу Церковь, укрѣпилъ ее, что разбросанные ея члены почувствовали себя столь же солидарными, какъ и въ первые

[1] См. № 14 Revue internationale de théologie.

вѣка христіанства, что мы прекратили наши междоусобія и уже вооружены съ ногъ до головы. Обезпечитъ-ли все это нашу побѣду? Отстоимъ-ли мы православный Востокъ, убережемъ-ли мы и себя? Будемъ-ли мы въ состояніи *выполнить свою задачу на Востокѣ?*

Нѣтъ. Всего этого недостаточно!

Въ послѣдней моей бесѣдѣ, разсматривая значеніе разныхъ гарантій гражданской свободы, я высказалъ слѣдующее: „при дряблости общества, при низкомъ уровнѣ его нравственности, никакая конституція, никакіе договоры не помогутъ, не уберегутъ его правъ и вольностей! Ежели же оно *само сильно*, ежели оно понимаетъ значеніе долга, оно обойдется и безъ всякихъ договоровъ, безо всякихъ внѣшнихъ обезпеченій и условій: въ насъ, въ насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ должны быть записаны наши права, наша конституція! *Этой* конституціи у насъ никто не отыметъ; только она и надежна!

Сказанное мною относилось и къ области политической, но слова мои всецѣло могутъ примѣниться и къ области религіозной, къ занимающему насъ вопросу: никакія мѣропріятія и приготовленія къ успѣшному рѣшенію нашихъ задачъ на Востокѣ, *да и у насъ самихъ*, какъ бы они умны и цѣлесообразны ни были—не обезпечатъ успѣха, ежели *мы сами* не будемъ *вполнѣ, безусловно, до мозга костей* проникнуты увѣренностію въ правотѣ и святости нашего дѣла! Никакія самыя умныя мѣры и распоряженія, никакіе договоры и конкордаты не дадутъ намъ побѣды! *Только тогда*, когда мы *всѣ*, и каждый изъ насъ, будемъ несокрушимо-тверды, когда будемъ ставить интересы нашей Церкви, нашей вѣры выше всѣхъ остальныхъ,—однимъ словомъ когда мы будемъ *истинными* православными, тогда и только тогда, будемъ мы въ состояніи исполнить нашъ *долгъ*, а Россія — разрѣшитъ свои высокія, святыя задачи на православномъ Востокѣ!

Въ чемъ — да поможетъ намъ Богъ!

25 марта, 1896 г.
Павловскъ.